

Рене Генон

МАСОНСТВО И КОМПАНЬОНАЖ

Генон, Рене

Масонство и компаньонаж. Легенды и символы вольных каменщиков. – Воронеж: TERRA FOLIATA, 2009. – 192 с.

Что же такое масонство – единственный сохранившийся в Европе инициатический Орден или простое вырождение объединений средневековых каменщиков? Ответу на этот вопрос посвящена книга известного французского эзотерика и традиционалиста Рене Генона. Глубокий знаток легенд, ритуалов и символов масонства, автор пытается показать сакральное значение его мистерий и обрядов. Приподнимая завесу над входом в масонский храм, он предлагает читателю самостоятельно ответить на поставленный выше вопрос, волнующий пытливые умы уже не одно столетие.

- © TERRA FOLIATA, издание на русском языке, 2009
- © Д. Зеленцов, перевод, предисловие, 2009
- © В. Проскуряков, общая редакция, 2009
- © С. Сокол, оформление обложки, 2009
- © С. Сокол, разработка логотипа издательства, 2009

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие переводчика

Научные идеи и масонский идеал

Великий Архитектор Вселенной

Утерянное слово и его заменители

Строители Средних веков

Каменщики и плотники

Масонская ортодоксия

Гнозис и франкмасонство

Высшие градусы масонства

Женская инициация и ремесленное посвящение

Паломничества

Компаньонаж и цыгане

Хередом

Монограмма Христа и сердце в древних ремесленных знаках

Знаки корпораций и их подлинное значение

Рецензии

Поль Шакорнак. *Граф Сен-Жермен*

Жан Шарпентье. *Орден Тамплиеров*

Ж. де Шатюрэн. *Библиография мартинизма*

В.-Р. Шеттюи. *Калиостро и Екатерина II*

Д-р Р. Суинберн Клаймер. *Розенкрейцерское братство в Америке, том I*

Д-р Р. Суинберн Клаймер. *Розенкрейцерское братство в Америке, том II*

Эмиль Дермегем. *Мистика Жозефа де Мэстра*

Пьер де Дьенваль. *Ключ к мечтаниям*

Альфред Додд. *Шекспир, творец масонства*

Обряд Египетского масонства Калиостро

Элис Жоли. *Лионский мистик и тайны франкмасонства (1730-1824)*

Альбер Лантуан. *Современные тайные общества Европы и Америки*

Андрэ Лебей. *Правда о франкмасонстве согласно его документам, а также Тайна треугольника*

Джузеппе Лети и Луи Лаша. *Эзотеризм на сцене: Волшебная флейта, Парсифаль, Фауст*

Пьер Лермье. *Таинственный граф Сен-Жермен, розенкрейцер и дипломат*

Жан Маллинжэ. *Пифагор и мистерии*

Анри-Феликс Марси. *Очерк о происхождении франкмасонства и истории Великого Востока Франции, том I*

ПРЕДИСЛОВИЕ ПЕРЕВОДЧИКА

Книга, кою уважаемый читатель держит в руках, представляет собой сборник статей, которые, хоть и написаны автором в разное время, объединены общей темой – темой масонства. Р. Генон в той или иной мере касался ее на протяжении всего своего творчества, начиная с самых ранних работ (взять, к примеру, хотя бы *Эзотеризм Данте*). Несмотря на то, что отдельной книги, посвященной именно масонству, из-под его пера, увы, не вышло, тем не менее разбросанного по трудам или отдельным статьям и рецензиям вполне достаточно, чтобы понять его отношение к данному предмету. Позиция Р. Генона в равной мере далека и от параноидальных «разоблачений» антимасонской литературы, и от поверхностности и пустословия столь многих масонских авторов. Не менее чужд ему и подход ученых-историков, которые, стараясь быть объективными и строго научными в своих изысканиях, уделяют пристальное внимание голым фактам, теряя при этом из виду то глубинное значение, которое за ними скрывается. Но именно оно и интересует Р. Генона в первую очередь, точнее – это единственное, к чему он испытывает интерес. По его мнению, масонство, нравится это кому-то или нет, вероятно, остается в западном мире единственной подлинно инициатической организацией, которая, сверх того, наследовала в какой-то мере другим, в том числе и рыцарским, орденам и братствам. Он пишет, что «оно все еще хранит древний символизм и традиции, единственным на Западе наследником каких, оно, вопреки всем своим недостаткам, очевидно, является» («Строители Средних веков»). Однако современное масонство (Р. Генон говорит, что вообще все *спекулятивное* масонство, с самого момента своего возникновения в 1717 году, в противовес масонству *оперативному*) не только потеряло понимание подлинного значения своих ритуалов и символов, но даже пошло (по мнению автора, в общем-то намеренно, благодаря усилиям некоторых лиц, стоявших у его истоков) по пути их искажения. Из века в век оно становилось все более и более материалистическим и рационалистическим, отрываясь от своих эзотерических корней. Поэтому нынешнее масонство в лучшем случае способно дать лишь потенциальное, символическое посвящение. За все это Р. Генон подвергает его (именно орден в современном виде!) резкой, если не сказать уничижительной, критике. Однако при этом он отдает себе отчет в той ценности, которой сами по себе обладают масонские ритуалы и символы, и не устает обращать на это внимание читателя.

Названия статей, вошедших в данный сборник, говорят сами за себя. В них Р. Генон рассматривает широкий спектр связанных с масонством вопросов: поиски утерянного слова, сущность масонской инициации и ее связь с другими ремесленными посвящениями, значение и смысл символических и высших градусов, масонские легенды, соотношение оперативного и спекулятивного масонства, истинная суть пилигримажа и даже женские инициации! Обращаясь к символам и ритуалам вольных каменщиков, автор анализирует их в широком контексте индоевропейской традиции, неоспоримой частью которой является масонство. Задача, которую Р. Генон ставит при этом перед собой, – раскрыть, насколько это вообще возможно, подлинное эзотерическое значение масонского наследия, помочь ищущему обрести в его лице неопределимую опору, а тому, кто принял масонское посвящение, – превратить его из виртуального в реальное. «Без сомнения, – пишет автор, – невозможно передать то, что не выразимо по своей сути, <...> но можно указать ключи, которые позволят каждому обрести подлинную инициацию посредством собственных

усилий и личных размышлений, и <...> обеспечить тем, кто стремится к инициации, наиболее благоприятные условия для ее реализации и оказать им содействие, без которого для них было бы практически невозможно этой реализации достичь» («Высшие градусы масонства»). По сути, Р. Генон приоткрывает завесу масонского храма (как тут не вспомнить, что завеса, покрывало всегда были символами некоей границы между внешним и внутренним, сокровенным, которую просто так не преодолеть!), являя нам богатство его внутреннего содержания. А как распорядиться сим богатством, решать уже самому читателю.

Дмитрий Зеленцов

УТЕРЯННОЕ СЛОВО И ЕГО ЗАМЕНИТЕЛИ

Как нам известно, практически все традиции упоминают нечто, что было утеряно или исчезло, но навсегда сохранило неизменно фундаментальное значение и может быть выражено лишь символами. Мы могли бы сказать «неизменные значения», ибо в любом символе их несколько, но все они в любом случае друг с другом тесно связаны. По сути, здесь идет речь о духовном помрачении, которое в силу циклических законов имеет место на протяжении человеческой истории, то есть, прежде всего, об утрате изначального состояния, а равно, как о прямом следствии этого, и соответствующей традиции, ведь таковая традиция фактически есть знание, внутренне присущее тому, кто в таковом состоянии находится. Мы уже говорили об этом в одной из наших работ,¹ где особое внимание уделили символике Грааля, в которой, помимо прочего, отчетливо выражены оба вышеупомянутых аспекта, относящихся соответственно к изначальному состоянию и изначальной традиции. К этим двум мы могли бы добавить третий аспект, имеющий отношение к изначальному месту пребывания, однако, само собой разумеется, нахождение в «Небесном раю», каковой, в буквальном смысле, есть «Центр Мира», всецело тождественно пребыванию в самом изначальном состоянии.

С другой стороны, стоит отметить, что данное помрачение не происходит внезапно, раз и навсегда, но после утраты изначального состояния имеет место несколько последовательных его стадий, которые соответствуют множеству фаз или эпох в разворачивании человеческого цикла, а «утрата», кою мы имеем в виду, может, кроме того, обозначать каждую из этих стадий, и сходный символизм всегда применим к различным упомянутым уровням. Чтобы прояснить это, отметим, что утерянное в самом начале было заменено чем-то, способным выполнять его роль настолько, насколько это представлялось возможным, но и оно в свою очередь было утрачено и нуждалось в дальнейшем замещении. Это отчетливо видно на примере образования вторичных центров, возникших после того, как центр высший укрылся от взора человечества, по крайней мере, в общем смысле и относительно большинства «нормальных» людей – ибо неизбежны исключения, без которых в результате разрушения всех связей с этим центром сама по себе духовность любого уровня всецело бы исчезла. Кроме того, можно было бы отметить, что отдельные традиционные формы, точно соответствующие упомянутым вторичным центрам, каковые более или менее завуалированы или, точнее, сокрыты, представляют собой заменители утерянного изначального знания, приспособленные к условиям различных последующих эпох; данные заме-

щающие центры или традиции подобны отражению того, что было утеряно – отражению прямому или косвенному, близкому или далекому, в зависимости от обстоятельств. И с учетом родства, коим любая подлинная традиция бесспорно связывается с традицией изначальной, можно добавить, что по отношению к ней их можно рассматривать как многочисленные побеги единого дерева, кое символизирует «Мировую ось» и произрастает из центра «Земного рая», как о том говорится в средневековых легендах, где упоминаются побеги «Древа жизни».²

Примеры замещения, следующего за очередной утратой, можно обнаружить в особенности в маздеистской традиции, и в этой связи стоит добавить, что нечто утраченное представляется не только священной чашей, Граалем и различными его эквивалентами, но также и тем, что она содержит. Это не трудно понять с учетом того, что содержащее, как бы оно ни обозначалось, есть не что иное, как «напиток бессмертия», обладание коим составляет, по сути, одно из преимуществ изначального состояния. Так, к примеру, утверждают, что после того, как в определенную эпоху ведическая *сома* сделалась неизвестной людям, возникла необходимость заменить ее иным напитком, который лишь символизировал *сому*; и хотя с определенностью об этом нигде не упоминается, но очевидно, что этот заменитель также в свою очередь был утерян.³ У персов, *хаома* которых была тождественна индуистской *соме*, об этой вторичной утрате, наоборот, говорится весьма отчетливо: белая *хаома* могла быть собрана лишь на горе *Альборж*, то есть на полярной горе, символизирующей изначальное место пребывания; позже на смену ей пришла желтая *хаома*, точно так же как в области, где поселились предки иранцев, была иная гора *Альборж*, коя являлась лишь образом первой, однако впоследствии эта желтая *хаома* тоже была утеряна, оставив по себе лишь воспоминание. И поскольку мы коснулись этого вопроса, напомним, что роль заменителя «напитка бессмертия» в иных традициях играет вино; более того, недаром в общем смысле оно рассматривается как символ сокрытой или оберегаемой доктрины, а именно – эзотерического и инициатического знания, как то мы ранее уже разъясняли.⁴

Теперь обратимся к иной форме того же самого символизма, каковой, помимо прочего, может соответствовать действительным историческим событиям, но, заметим, было бы заблуждением считать, что это относится к историческим фактам как таковым, ибо нас интересует лишь их символическая ценность. В общем можно сказать, что любая традиция имеет в качестве своего стандартного средства выражения определенный язык, который обретает, таким образом, характер священного, и если случается так, что эта традиция исчезает, вполне естественно, что соответствующий священный язык при этом также будет утерян. Даже если что-то из него внешним образом сохранится, это будет не более чем своего рода «трупом», ибо его глубинное значение уже более неизвестно. Первым подобным примером является случай первозданного языка, посредством коего выражалась изначальная традиция, отсюда – многочисленные намеки на оный язык и его утрату, которые мы обнаруживаем в традиционных писаниях. Позволим себе добавить, что когда отдельный священный язык, известный в наши дни, иногда отождествляется с самим первозданным языком, следует отдавать себе отчет в том, что он, в действительности, представляет собой лишь заменитель и, следовательно, выступает таковым для приверженцев соответствующей традиции. Из определенных связанных с ним писаний тем не менее явствует, что первозданный

язык существовал вплоть до эпохи, которая, какой бы далекой нам ни казалась, все же весьма отстоит от изначальных времен. Именно так обстоит дело в библейской истории о «смешении языков», которая, хотя и может быть связана с определенным историческим периодом, скорее соответствует не чему иному, как началу *Кали-Юги*. С определенностью можно сказать, что задолго до нее уже существовали отдельные традиционные формы, каждая из которых имела собственный священный язык, поэтому существование единого исходного языка необходимо понимать не буквально, но, скорее, в том смысле, что до этого момента еще сохранялось сознание сущностного единства всех традиций.⁵

В определенных случаях вместо потери языка речь идет об утрате лишь одного слова, к примеру, божественного имени, характеризующего определенную традицию и представляющего оную в ее целостности, поэтому замена некоего имени на новое будет свидетельствовать, следовательно, о переходе от одной традиции к другой. Порою также речь заходит о частичных «утратах», имеющих место в отдельные критические периоды существования той или иной традиционной формы, и когда потерянное восполняется чем-то равнозначным, это означает, что под влиянием обстоятельств произошла перестройка указанной традиции, в противном случае эти «утраты» говорят о более или менее серьезном упадке традиции, каковой уже не может быть впоследствии преодолен. Чтобы ограничиться лишь наиболее показательными примерами, обратимся к иудейской традиции, в которой мы обнаруживаем оба подобных случая. После вавилонского пленения новый тип письма пришел на смену тому, что был утрачен,⁶ и, благодаря иероглифической ценности качеств сакрального языка, эта перемена внутренне подразумевала некоторое видоизменение самой традиционной формы, то есть ее перестройку в соответствии с обстоятельствами.⁷ Более того, во времена разрушения Иерусалимского Храма и рассеяния еврейского народа был утрачен подлинный способ произнесения четырехбуквенного (тетраграмматического) Имени, оно было заменено именем *Адоиаи*, которое, тем не менее, никогда не воспринималось в качестве истинного эквивалента того, что уже не могло быть произнесено. В самом деле, регулярная передача точного произношения главного божественного имени,⁸ обозначаемого *ха-Шем*, или Имя *par excellence*,⁹ было сущностно связано с преемственностью жречества, чьей функцией могло быть лишь служение в Иерусалимском Храме; с тех пор, как оно прекратило свое существование, иудейская традиция невосполнимо лишилась своей полноты, о чем явственно свидетельствует прекращение жертвоприношений, каковые, к слову сказать, составляли самую «основную» часть обрядов этой традиции; соответственно, Тетраграмма занимала в традиции подлинно «центральное» положение относительно прочих божественных имен и воистину являлась ее духовным центром, который и был утерян.¹⁰ Очевидно, что в подобном примере исторический факт, как таковой не вызывающий никаких сомнений, не может быть отделен от символического значения, каковое есть его внутренняя *raison d'être*¹¹ и без которой он полностью неясен.

Упоминание чего-то утерянного, символически выраженного в различных формах, обнаруживается именно в экзотеризме, свойственном различным традициям, как мы только что оное увидели, и чтобы выразиться более строго, можно было бы даже сказать, что к этому экзотерическому аспекту оно относится прежде всего, ибо очевидно, что именно в данной сфере потеря

имела место и была подлинной, и именно здесь о ней можно говорить как об окончательной и невозможной, таким образом, она была реальной для земного человечества в целом на протяжении всего текущего цикла. Но есть, напротив, и нечто, всецело принадлежащее эзотерической и инициатической сфере: поиск чего-то утраченного, или, как выражались в Средние века, «странствие в поисках» (quest) этого, и понять оное не составляет труда, ведь первая часть инициации, которая соответствует «малым мистериям», в качестве своей истинной цели имеет, по сути, восстановление изначального состояния. Стоит отметить, что, как утрата в действительности происходит постепенно и проходит в несколько стадий прежде, чем в конце концов достичь текущего состояния, так и поиск всегда движется шаг за шагом, минуя в обратном порядке те же самые стадии, восходя, к слову сказать, по пути развертывания исторического цикла человечества, от одного состояния к другому, ему предшествующему, и так вплоть до самого изначального состояния; и уровни «малых мистерий»¹² естественным образом соответствуют данным стадиям. Необходимо сразу же добавить, что вышеупомянутые нами успешные случаи замещения также могут иметь место и при обратном порядке, что объясняет, почему в определенных случаях то, что подается как «заново открытое слово», в реальности может быть лишь тем же самым «словом-заменителем», представляющим ту или иную промежуточную стадию. Должно быть совершенно ясно, что ничто передаваемое внешним образом не может быть подлинным «утраченным словом», оно всегда лишь более или менее несовершенный символ оно, подобно любому выражению трансцендентных истин; и такой символизм зачастую является комплексным в связи со множеством значений, которые ему придаются, а также уровней его приложения.

В западных инициациях есть, по меньшей мере, два примера (о каких, естественно, нельзя сказать, что они всегда хорошо понимаемы теми, кто о них говорит) упомянутого поиска, которые можно рассматривать соответственно как своего рода две принципиальные формы указанного нами символизма: «поиск Грааля» в рыцарских инициациях Средних веков и «искажение утраченного слова» в масонском посвящении. Относительно первого А.Э. Уэйт верно отметил, что он содержит множество более или менее прозрачных аллюзий на утраченные формулы или предметы; более того, можно ли не упомянуть, что сам «Круглый Стол» есть, прежде всего, «заменитель», ибо, несмотря на то, что он предназначен для принятия Грааля, этого, в действительности, так никогда и не случилось? Это не означает, что «странствие в поиске» ни когда не может завершиться успехом, как в то чересчур легко соблазнились уверовать некоторые, но лишь то, что даже если оный может иметь место для некоторых, невозможно, чтобы это произошло для всего общества ищущих, даже если это последнее носит неоспоримо инициатический характер. Как мы ранее уже видели,¹³ «Круглый Стол» и его рыцарство отличаются всеми качествами, составляющими характеристику аутентичного духовного центра, однако вновь позволим себе отметить, что любой вторичный духовный центр, каковой есть только образ или отражение центра высшего, может, по сути, играть лишь роль «заменителя» последнего, подобно тому как каждая отдельная традиционная форма есть исключительно «заменитель» изначальной традиции.

Переходя теперь к «утраченному слову» и его поиску в масонстве, следует сказать, что, по крайней мере при нынешнем положении вещей, вопрос сей

пребывает во мраке. Мы определенно не можем претендовать на то, чтобы полностью его рассеять, тем не менее, нескольких замечаний, сделанных нами, возможно, будет достаточно, чтобы разрешить то, что на первый взгляд может показаться противоречием. Первое, что следует отметить, – это то, что степень Мастера в том виде, в каком она имела место в *цеховом масонстве*, делает особый акцент на «утерянном слове», каковое здесь представлено как результат смерти Хирама, хотя и нет никаких явных свидетельств относительно его поисков, не говоря уже о «найденном слове». Это вполне может показаться странным, поскольку в качестве последней степени, составляющей масонство в собственном смысле слова, градус Мастера с необходимостью должен соответствовать, по крайней мере виртуально, завершению «малых мистерий», без которого его наименование будет неоправданным. Некоторые, поистине, могли бы ответить, что инициация в эту степень сама по себе есть, по сути, лишь отправная точка, что, в конце концов, вполне нормально, но все же было бы

необходимо, чтобы эта инициация заключала в себе нечто позволяющее достичь «высшего» посвящения, так сказать, поиск, составляющий последующую задачу, ведущую к действенной реализации Мастерства, и, вопреки видимости, это действительно, как мы полагаем, имело место.

«Священное слово» степени есть, без сомнения, «слово-заменитель», более того, оно в качестве такового и дается, но «заменитель» очень особого свойства: подвергнувшись столь многочисленным искажениям, оно стало совершенно неузнаваемым¹⁴ и получило различные толкования, представляющие определенный дополнительный интерес в свете отдельных своих аллюзий на некоторые символические элементы степени, но проследить иудейское происхождение какого-либо из них не представляется возможным. Нынче, если это слово будет восстановлено в его подлинной форме, его значение будет, очевидно, всецело отлично от тех, которые ему обычно приписывают; это слово есть не что иное, как вопрос, и ответ на этот вопрос будет истинным «священным словом» или самим «утерянным словом», то есть подлинным именем Великого Архитектора Вселенной.¹⁵ Как мы только что сказали, когда ответ на этот вопрос будет найден, поиск окончится, и этим завершением для каждого из тех, кто окажется на это способен, будет обнаружение ответа и достижение подлинного Мастерства в результате собственной внутренней работы.

Кроме того, стоит обратить внимание на то, что, в соответствии с иудейским символизмом, «утерянное слово» в целом связано с четырехбуквенным (тетраграмматическим) Именем, но, взятое буквально, оно, очевидно, является анахронизмом, ибо хорошо известно, что во времена Соломона и строительства Храма произношение Имени еще не было утрачено. Тем не менее, ошибочно было бы полагать, что анахронизм этот представляет какое-то реальное препятствие, ведь здесь мы имеем дело не с «историчностью» фактов как таковых, кои, по нашему убеждению, мало что сами по себе значат, поскольку к Тетраграмматону проявляют уважение лишь благодаря той ценности, которую он по традиции в себе несет. В определенном смысле он также может хорошо подойти на роль «слова-заменителя» вследствие того, что принадлежит, по сути, к Моисееву откровению и, таким образом, не может быть ближе к примордиальной традиции, чем еврейский язык как таковой.¹⁶ Если мы столь подробно остановились на этом вопросе, то, прежде всего, для

того, чтобы привлечь внимание к тому более значимому факту, что в иудейском экзотеризме слово-заместитель для Тетраграмматона, чье произношение было утрачено, было иным божественным именем – *Адонаи*, также образованным четырьмя буквами, но, как полагали, в меньшей степени отражающим сущность; в самом деле, оно рассматривается как нечто, свидетельствующее о смирении с утратой, которую считают невозполнимой, лишь в качестве замены, коя все же позволительна в нынешних условиях. В масонской инициации, напротив, «слово-заместитель» связано с восстановлением возможности вновь обнаружить «утраченное слово», а значит, с восстановлением состояния, предшествовавшего его потере. В этом кроется одно из основополагающих отличий между экзотерической и инициатической точками зрения, символически выраженное столь потрясающим образом.¹⁷

Но прежде, чем следовать далее, сделаем отступление, которое может позволить лучше понять то, о чем пойдет речь. Масонская инициация, подобно всем прочим ремесленным посвящениям, по существу, связанная с «малыми мистериями», достигает своего завершения в степени Мастера, поскольку полная реализация этого градуса подразумевает восстановление изначального состояния, но может вызвать удивление значение и роль того, что зовется высшими степенями масонства, ведь кое-кто настаивает на том, что они были всего лишь ненужными и бесполезными «излишествами». Необходимо прежде всего различать, с одной стороны, степени,¹⁸ связанные непосредственно с масонством,¹⁹ а с другой – те из них, что можно рассматривать как следы или воспоминания²⁰ о древних западных инициатических организациях, которые были как бы привиты к масонству или «оформились» вокруг него. С учетом этого назначение этих последних градусов (при условии, что они будут рассматриваться не просто как имеющие «археологический» интерес, коего, очевидно, было бы явно недостаточно для их оправдания с инициатической точки зрения) есть сохранение единственно возможным способом после их исчезновения как независимых форм того, что еще можно сохранить от этих посвящений. Мы определенно могли бы сказать больше о «консервирующей» роли масонства и возможности с его стороны в определенной мере компенсировать отсутствие инициации иного порядка в современном западном мире, но это всецело выходит за пределы исследуемого нами вопроса, ибо таково лишь первое доказательство того, что символизм этих градусов более или менее напрямую связан с интересующим нас в данной статье масонским наследием.

Эти градусы в общем можно рассматривать как своего рода расширение или развитие степени Мастера, ибо, хотя в принципе последняя, вне всяких сомнений, является самодостаточной, фактически же довольно трудно извлечь из этого градуса все потенциально в нем содержащееся, что оправдывает существование этих позднейших расширений.²¹ Они появились благодаря тем, кто желал актуализировать то, чем ранее владел лишь виртуально; такова, по крайней мере, фундаментальная цель этих градусов, какие бы справедливые замечания ни выдвигали относительно их практической пользы, каковая, можно сказать, в большинстве случаев снижается, к сожалению, за счет фрагментарности и слишком часто изменяемого внешнего выражения, представленного соответствующими ритуалами. Однако здесь мы рассматриваем только принципы, которые не зависят от этих сопутствующих соображений. Более того, в действительности,

если бы степень Мастера была более определенной, а все допущенные к ней были по-настоящему компетентны, эти расширения могли бы найти себе место внутри нее, и не надо было бы делать их целью иных градусов, номинально отличающихся от данной степени.²²

Итак, мы хотим указать на то, что среди упомянутых высших градусов есть такие, которые делают особый акцент на «поиске утерянного слова», то, следование чему составляет, как мы уже пояснили, сущностную работу степени Мастера. Некоторые градусы предлагают даже «найденное слово», имея в виду, очевидно, успешное завершение этого поиска; однако, в действительности, это «найденное слово» есть не что иное, как новое «слово-заменитель», и благодаря тому, что мы сказали, становится легче понять, что оно и не может быть чем-то иным, поскольку истинное «слово», строго говоря, непередаваемо. Это особенно касается степени *Королевской Арки*, единственного градуса, который должно рассматривать как сугубо масонский и чье прямое оперативное происхождение не подлежит сомнению: это как бы естественное дополнение степени Мастера, открывающее перспективу «великих мистерий».²³ Поскольку в этом градусе «найденное слово» появляется в максимально видоизмененном виде, так же как и во многих других, это порождает различные предположения относительно его значения; однако, согласно наиболее авторитетным и заслуживающим доверия интерпретациям, оно, в действительности, представляет собой составное слово, образованное соединением

трех божественных имен, заимствованных из трех различных традиций. Это представляет интерес, по крайней мере, с двух точек зрения: во-первых, с учетом очевидного указания на то, что «утерянное слово», по сути, рассматривается в качестве божественного имени, а также в связи с тем, что соединение этих различных имен может объясняться лишь как сущностное подтверждение фундаментального единства всех традиционных форм. Однако само собой разумеется, что подобное сочетание имен, происходящих из нескольких священных языков, остается всецело внешним соединением и никоим образом не может адекватно символизировать восстановление самой изначальной традиции, а значит, оно представляет собой не более, чем «слово-заменитель».²⁴

Иной, хотя и весьма отличный, пример дает Шотландский градус Розенкрейцера, в котором «найденное слово» представлено как новый Тетраграмматон, призванный занять место древнего, утерянного; в действительности же эти четыре буквы, каковы, к слову сказать, представляют собой лишь инициалы и не составляют слово, не могут, таким образом, передать ничего иного, кроме как отношение христианской традиции к иудейской или замену Ветхого Завета Новым, и было бы трудно утверждать, будто они представляют состояние, близкое к изначальному, если здесь не подразумевается, что христианство совершило «реинтеграцию», открыв некоторые новые возможности возвращения к последнему, что, в общем-то, в известном смысле истинно для любой традиционной формы, основанной в определенную эпоху в точном соответствии с ее особенностями. Необходимо добавить, что прочие интерпретации, каковы естественным образом накладываются на простое религиозное и экзотерическое значение, носят преимущественно герметический характер и сами по себе определенно не лишены интереса. Но, помимо отступления от рассмотрения божественных имен, сущностно связанных с

«утерянным словом», в этом гораздо более «повинен» христианский герметизм, нежели масонство в собственном смысле слова, и как бы близки они друг другу ни были, тем не менее, не стоит считать их тождественными, ибо хотя они используют сходные до определенной степени символы, но, однако же, проистекают из инициатических «техник», кои весьма и во многих отношениях отличны друг от друга. Кроме того, «слово» розенкрейцерского градуса явно отсылает к мировоззрению специфической традиционной формы, которая в любом случае далека от возвращения к изначальной традиции, что лежит по ту сторону всех отдельных форм. В этом отношении, как и во многих других, у степени *Королевской Арки* значительно больше причин быть названной *nec plus ultra*²⁵ масонского посвящения.

Полагаем, что уже достаточно сказали по поводу различных «замещений», и в завершение нашего рассмотрения нам необходимо вернуться к степени Мастера, дабы найти объяснение иной загадке, каковая здесь обнаруживается: как вышло так, что «утрата слова» преподносится как последствие смерти одного лишь Хирама, тогда как, согласно самой легенде, им должны были владеть и другие? В действительности здесь мы имеем дело с вопросом, каковой ставит в тупик многих масонов, размышляющих о символизме, и некоторые даже заходят столь далеко, что видят в нем нелепость, которую, как кажется, абсолютно невозможно объяснить приемлемым способом, при этом, как то будет видно, это нечто совершенно иное.

Вопрос, который мы задали в конце предыдущего абзаца, может быть более точно сформулирован следующим образом: во времена строительства Храма «словом» Мастеров владели, согласно той самой легенде градуса, три человека, имеющих власть его передавать: Соломон, царь Тирский Хирам и Хирам-Абифф. Если так оно и было, то почему смерти одного последнего было достаточно, чтобы привести к потере этого слова? Ответ состоит в том, что для соблюдения его правильной и ритуальной передачи необходимо было соединить усилия «трех первых Великих Мастеров», следовательно, отсутствие или исчезновение одного из них делало эту передачу невозможной, подобно тому, как не может быть треугольника без одной из трех частей; и вопреки тому, что могут подумать те, кто недостаточно знаком с выведением некоторых символических соответствий, это не просто сопоставление или более-менее воображаемая и безосновательная связь. На самом деле оперативная ложа может быть открыта лишь при взаимодействии трех Мастеров,²⁶ владеющих тремя жезлами соответствующей длины в пропорции 3:4:5. Работы могут начаться, только когда эти три жезла сведены вместе, образовав пифагорейский правильный треугольник. Поскольку это так, легко понять, сходным образом, что священное слово может состоять из трех частей, подобных трем слогам,²⁷ каждый из которых может быть передан лишь одним из трех Мастеров, так что при отсутствии одного из них слово, подобно треугольнику, остается неполным и более не может быть подлинно завершенным, к чему мы скоро вернемся.

Позволим себе мимоходом коснуться иного случая со сходным символизмом, по крайней мере, в том, что касается нашего нынешнего интереса. В некоторых ближневосточных сообществах сундук, содержащий «сокровище», снабжен тремя замками, ключи к которым доверены трем разным должностным лицам так, что, только собрав их вместе, можно его открыть. Естественно, те, кто поверхностно смотрит на вещи, не увидит в этом ничего, кроме предо-

сторожности против злоупотребления со стороны этих лиц, но, как всегда бывает в таком случае, этого всецело внешнего и профанического объяснения совершенно недостаточно, и даже допуская, что оно может быть легитимным в своей собственной сфере, это никоим образом не препятствует тому, чтобы тот же самый факт мог иметь полностью глубинное символическое значение, которое составляет всю его подлинную ценность. Полагать иначе означает совершенно не понимать инициатическую точку зрения; более того, ключ сам по себе являет символизм достаточно важный, чтобы служить подтверждением того, о чем мы здесь сказали.²⁸

Дабы вернуться к теме упомянутого выше правильного треугольника, можно было бы сказать, что, как мы убедились, смерть «третьего Великого Мастера» оставляет его незавершенным. В определенном смысле и независимо от его собственного значения как прямоугольного треугольника это соответствует форме наугольника Досточтимого Мастера, который имеет неравные стороны, обычно соотносящиеся как 3 к 4, так что их можно рассматривать как две стороны прямого угла этого треугольника, гипотенуза которого при этом отсутствует или, если угодно, «подразумевается».²⁹ И стоит отметить, что восстановление треугольника, как то изображается на инсигнии *Бывшего Мастера*, подразумевает или, по крайней мере, теоретически должно подразумевать, что он достиг успеха в деле восстановления того, что было утеряно.³⁰

Что же касается священного слова, которое может быть передано лишь при объединении усилий трех лиц, то довольно значимо, что это качество обнаруживается в том слове, которое в степени *Королевской Арки* рассматривается как представляющее «слово найденное» и чье регулярное сообщение будет эффективным лишь в таком случае. Три лица сами по себе образуют треугольник, и три части слова, то есть три слога, кои соответствуют множеству божественных имен в различных традициях, успешно «переходят», так сказать, от одной стороны треугольника к другой, пока слово не станет полностью «верным и совершенным». Несмотря на то, что это всего лишь слово-«заменитель», тот факт, что *Королевская Арка* есть наиболее «аутентичный» из всех высших градусов в смысле своего оперативного происхождения, также придает этому способу сообщения неоспоримую важность, подтверждая толкование того, что в этом отношении остается неясным относительно степени Мастера, как она практикуется сегодня.

В этой связи добавим иное соображение касательно иудейского Тетраграмматона: поскольку последний есть одно из божественных имен, наиболее часто отождествляемых с «утерянным словом», в нем должно быть нечто, соответствующее тому, что мы только что обсудили, ибо постольку поскольку аналогичное качество поистине составляет суть, оно некоторым образом должно присутствовать во всем, что хоть в малейшей степени представляет это слово. Под этим мы подразумеваем, что, дабы порядок символического соответствия был в точности соблюден, произношение Тетраграмматона должно было быть трехслоговым, но, поскольку, с другой стороны, оно, естественно, писалось четырьмя буквами, можно было бы сказать, что, согласно числовому символизму, 4 здесь соответствует «субстанциональному» аспекту слова (постольку поскольку последнее писалось или произносилось в соответствии с написанным, игравшим роль материальной «опоры»), а 3 – «эссенциальному» аспекту (в связи с тем, что оно произносилось целиком голо-

сом, каковой единственно придавал ему «дух» и «жизнь»). Следовательно, хотя его нельзя рассматривать как подлинное произношение Имени, каковое более никому не известно, благодаря тому, что оно имело три слога, форма *Иегова* (глубокая древность которого, в отличие от его приблизительных транскрипций в европейских языках, уже может дать пищу для размышлений), поскольку она имеет три слога, по меньшей мере, представляет его значительно лучше, нежели совершенно фантастическая форма *Яхве*, выдуманная современными экзегетами и «критиками» и каковая, имея лишь два слога, явно непригодна для ритуальной передачи, подобной той, о которой здесь идет речь.

Естественно, обо всем этом можно было бы сказать значительно больше, но мы должны завершить и без того растянутое рассмотрение, каковое, позволим себе повторить, имело своей целью лишь пролить толику света на некоторые аспекты исключительно многомерной темы «утраченного слова».

Перевод Дмитрия Зеленцова

Примечания:

1. *Царь Мира*, гл. 5.
2. В этом отношении представляется весьма существенным, что, согласно некоторым из этих легенд, древесина для креста была взята от одного из таких побегов.
3. Отсюда совершенно напрасны попытки найти растение, из которого производилась *сома*, поэтому не испытываем ли мы постоянно соблазн, независимо от прочих соображений, выразить признательность тем ориенталистам, которые, говоря о *соме*, избавляют нас от общераспространенного «клише» об *asclepias acida*?
4. *Царь Мира*, гл. 6.
5. Мы могли бы отметить в этой связи, что то, что именуется «даром языков» (см. *Очерки об инициации*, гл. 37), имеет отношение к знанию первозданного языка, понимаемого символически.
6. Вряд ли стоит упоминать, как неправдоподобно бы это прозвучало в случае буквального истолкования, ибо сомнительно, что периода в 70 лет было достаточно, чтобы изгладить в памяти древние письмена. Но определенно не лишено основания предположение, что это должно было произойти в эпоху очередных изменений традиции в шестом веке до Рождества Христова.
7. Вполне вероятно, что изменения формы китайских иероглифов, которые происходили несколько раз, стоит также объяснять подобным образом.
8. Такую передачу можно в высшей степени справедливо сравнить с передачей *мантры* в индуистской традиции.
9. Преимущественно (фр.) – Прим. пер.
10. Термин *диаспора*, или «рассеяние» (*галут* на иврите), великолепно характеризует состояние народа, чья традиция оторвана от своего естественного центра.
11. «Смысл существования» (фр.). Разумное основание, смысл. – Прим. пер.
12. Об этом см. *Заметки об инициации*, гл. 39.
13. *Царь Мира*, гл. 4 и 5.
14. Подобная деформация даже породила два, так сказать, различных слова, одно из которых – «священное слово», другое – «пароль», взаимозаменяемые в различных уставах, но, по сути, представляющие одно целое.

15. Нет нужды разбирать, носили ли многочисленные искажения самого слова или его значений намеренный характер, поскольку с учетом недостатка точных сведений касательно обстоятельств их появления это было бы тяжелой задачей, но с определенностью можно сказать, что в любом случае их результатом стало полное сокрытие того, что составляет самую суть степени Мастера, и таким образом появилась своего рода загадка, не имеющая, по-видимому, разрешения.
16. О «первом имени Бога» согласно определенным инициатическим традициям см. *Великая триада*, гл. 25.
17. Подчеркнем в этой связи, что в степени Мастера присутствует не только «слово-заменитель», но и «знак-заменитель»: если «утраченное слово» символически идентифицируется с Тетраграмматон, определенные признаки соответственно подсказывают, что «утраченным знаком» должно быть благословение *Коханим*, Здесь вновь не имеет смысла усматривать в этом выражение буквального исторического факта, ибо, в действительности, этот знак никогда не был утрачен, просто обоснованно можно было бы поинтересоваться: если Тетраграмматон уже нельзя произнести, то сохранил ли этот знак всю свою ритуальную ценность?
18. Естественно, мы оставляем в стороне все те чрезвычайно многочисленные градусы некоторых «систем», которые носят единственно лишь фантастический характер и, очевидно, отражают исключительно личные воззрения своих авторов.
19. Тем не менее, нельзя с точностью сказать, что они суть его неотъемлемая часть, за исключением лишь *Королевской Арки*.
20. Мы добавили здесь слово «воспоминания», чтобы избежать любого обсуждения более или менее прямого происхождения этих градусов, которое увело бы нас слишком далеко, в особенности в том, что касается организаций, связанных с различными формами рыцарского посвящения.
21. Кроме того, следует отметить, по крайней мере, в качестве дополнительной причины этого, сведение семи градусов древнего оперативного масонства к трем: поскольку все они не были известны основателям масонства спекулятивного, образовался серьезный пробел, какой, вопреки некоторым последующим «обновлениям», не мог быть полностью восполнен в рамках трех современных символических градусов. Есть несколько высших градусов, каковые преимущественно представляются попытками исправить этот дефект, правда, нельзя сказать, имели ли они полный успех, поскольку не обладали подлинной оперативной передачей, каковая является обязательной.
22. Именно благодаря обладанию «полнотой масонских прав», Мастер, прежде всего, имеет доступ ко всем знаниям, заключенным в инициатической форме, к которой он принадлежит; это совершенно ясно выражено в древней концепции «Мастера всех градусов», каковая в наши дни всецело забыта.
23. Мы отсылаем читателя к тому, что уже сказали по этому поводу, особенно в нашем исследовании «Краеугольный камень» [См. *Символы священной науки*, гл. 45].
24. Необходимо осознать, что то, о чем мы здесь говорим, относится к *Королевской Арке* Английского Устава, каковая, несмотря на схожесть наименования, имеет мало общего со степенью, носящей название *Королевская Арка Еноха*, версия которой стала 13-м градусом Древнего и Принятого Шотландского Устава, в коем «найденное слово» представляет сам Тетраграмматон, начертанный на золотой пластине, помещенной в «девятом своде». Более того, приписывание сокровища Еноху представляет собой очевидный анахронизм, если говорить об иудейском Тетраграмматоне, однако его можно рассматривать как показатель намерения вернуться прямо к изначальной или, по крайней мере, «доиндивидуальной» традиции.
25. Высшая точка, крайняя степень, вершина, кульминация (лат.). – Прим. пер.
26. Здесь Мастера – это те, кто владеет 7-м и последним оперативным градусом, каковому первоначально принадлежала легенда о Хираме; более того, именно поэтому последняя не была известна «принятым» компаньонам, которые в 1717 году по своей собственной инициативе основали Великую Ложу Англии и кто, естественно, не мог бы передавать нечто большее, нежели то, что сам получил.
27. Слог есть элемент, каковой, по сути, несократим при произношении слова; более того, отметим, что само «слово-заменитель» в различных своих формах состоит из трех слогов, которые при ритуальном произношении издаются по отдельности.
28. Мы не можем здесь подробно останавливаться на различных аспектах символизма ключа и, в особенности, на его осевом характере (см. то, что мы сказали об этом в *Великой триаде*,

гл. 6), но, по крайней мере, стоит отметить, что в древних масонских «катехизисах» язык называется «ключом к сердцу». Связь между языком и сердцем символизируется отношением «Мысли» и «Слова», то есть, согласно каббалистическому значению этих терминов, связь внешнего и внутреннего аспекта Слова предусматривалась принципиально. Из этого также проистекает священный характер, который имело у древних египтян (кто, помимо прочего, использовал деревянные ключи, точно повторяющие форму языка) дерево авокадо, чьи плоды имеют форму сердца, а листья – языка (см. Плутарх. *Исида и Осирис*, 68).

29. В качестве курьеза укажем в этой связи, что в смешанном масонстве, *ко-масонстве*, полагают разумным делать наугольник Досточтимого Мастера равносторонним, дабы представить равенство мужчины и женщины, что ни в малейшей степени не имеет отношения к подлинному значению; это хороший пример непонимания символизма и фантастических нововведений, кои есть его неизбежные последствия.

30. См. *Великая триада*, гл. 15 и 21.

ПАЛОМНИЧЕСТВА

Недавнее появление в *Le Voile d'Isis* примечательной статьи Грийо де Живри, посвященной местам паломничества, побуждает нас вернуться к вопросу, коий мы уже рассматривали на этих страницах, как о том напоминает Клавелль в своем предисловии к указанной статье.

Прежде всего, позволим себе отметить, что латинское слово *peregrinus*, от коего происходит «пилигрим», означает как «путешественник», так и «странник», и это простое

наблюдение уже указывает на некоторые довольно любопытные соотнесения. С одной стороны, среди компаньонов мы встречаем тех, кого определяют как «путников», и тех, кого именуют «странниками», что в точности соответствует двум значениям слова *peregrinus* (каковые также обнаруживаются в еврейском *гершон*), с другой стороны, даже в современном «спекулятивном» масонстве символические инициатические испытания именуются «странствиями». Во многих традициях различные уровни посвящения описываются как этапы путешествия, иногда обычного, а иногда морского, как мы уже отмечали оное ранее. Этот символизм путешествия, вероятно, более широко распространен, чем символизм войны, о котором мы упоминали в нашей предыдущей статье. Более того, символизм того и другого находится в определенной связи между собой, что порой даже находит свое внешнее выражение в исторических фактах. В особенности мы имеем в виду тесную связь, которая в Средние века существовала между паломничествами в Святую Землю и Крестовыми походами. Позволим себе также добавить, что даже в самом обыкновенном религиозном языке земная жизнь, коя рассматривается как период испытаний, зачастую уподобляется путешествию, а выражаясь точнее, паломничеству – небесный мир, каковой есть его цель, также символически отождествляется со «Святой Землей» или «Землей Живых».¹

Состояние «скитания», если можно так выразиться, или странствия, есть, следовательно, если говорить в целом, состояние «испытания», и, напомним, именно таким оно является в организациях, наподобие компаньонажа. Кроме того, то, что истинно в этом плане для отдельных людей, может в определенных случаях быть таковым до некоторой степени и для целых народов, очень ярким примером чего являются сорокалетние скитания иудеев по пустыне,

прежде чем они достигли земли обетованной. Но тут стоит провести различие, ибо упомянутое состояние, каковое, по сути, является преходящим, не стоит путать с состоянием кочевья, нормальным для некоторых племен: даже после своего прибытия в обетованную землю и вплоть до времен Давида и Соломона иудеи оставались кочевниками, но оное кочевье, очевидно, не носило того же характера, что и скитания по пустыне.² Можно было бы даже обратиться и к третьей разновидности «скитания», каковое стоило бы рассматривать, строго говоря, как «злосключение»: таков случай евреев

после рассеяния и, по всей вероятности, цыган, однако это завело бы нас чересчур далеко, поэтому скажем лишь, что подобный пример также в равной степени приложим как к группам людей, так и к отдельным индивидам. Это иллюстрация того, как сложны указанные вещи, и следует отличать от обычных пилигримов тех, кто растворен среди них и внешне являет совершенное с ними сходство; сверх того, иногда случается так, что посвященные, кои достигли цели, или даже «адепты», могут, руководствуясь особыми причинами, принимать облик этих самых «путешественников».

Вернемся, однако, к пилигримам. Нам известно, что их отличительными знаками были раковина-гребешок (раковина святого Иакова) и посох. Последний, каковой был также тесно связан с походной тростью компаньонажа, естественно, является атрибутом путешественника, но имеет при этом и множество иных значений, и, вероятно, когда-нибудь мы посвятим отдельное исследование этому вопросу. Что же касается раковины-гребешка, то в некоторых областях его именуют *creusille*, словом, которое следует соотносить с *creuset* («тигель»);³ это возвращает нас к идее испытания, в особенности рассмотренного в контексте алхимической символики и понятого в смысле «очищения», пифагорейского *катарсиса*, что точно соответствует подготовительной фазе инициации.⁴

Поскольку раковина-гребешок рассматривалась как особый атрибут святого Иакова, то обратимся к теме паломничества в Сантьяго де Компостела. Пути, которыми ранее следовали пилигримы, даже сегодня зачастую зовутся «дорогами святого Иакова», но это выражение имеет в то же время совсем иное приложение: на языке крестьян «путь святого

Иакова» фактически означает также «Млечный Путь», и это, вероятно, покажется менее неожиданным, если мы учтем, что Компостела означает «звездное поле». Здесь мы сталкиваемся с другой идеей – идеей «небесных путешествий», к тому же в соотношении с путешествием земным. Сейчас мы не можем более на этом останавливаться, но позволим себе напоследок отметить, что это дает возможность почувствовать определенное соответствие между географическим положением мест паломничества и порядком самой небесной сферы, и, таким образом, упоминавшаяся нами «сакральная география» здесь превращается в подлинную «сакральную космографию».

Обсуждая пути паломничества, стоит припомнить, что Жозефу Бедье принадлежит заслуга установления связи между святынями, знаменующими этапы пилигримажа, и развитием *chanson de gestes*.⁵ Этот факт можно использовать повсеместно, поэтому то же самое уместно сказать и касательно большого числа легенд, чье подлинное инициатическое значение, к сожалению, почти всегда ускользает от наших современников. Благодаря множественно-

сти смыслов, писания подобного рода могли адресоваться в равной степени и массе обычных паломников и... иным; каждый понимал их в меру собственных интеллектуальных способностей, и лишь немногим открывалось глубинное значение, как и в случае любого инициатического учения. Нам стоит также отметить, что из-за такого разнообразия людей, включающего корабейников и даже нищих, встречавшихся на этих путях, между ними, по причинам, кои, безусловно, трудно определить, возникла определенная солидарность, каковая выражалась в общем принятии особого условного языка, «арго Гребешка» или «наречия пилигримов». В одной из своих последних книг Леон Доде делает интересное замечание: многие из тех слов и выражений, что принадлежат этому языку, можно найти у Вийона и Рабле.⁶ Что касается последнего, то Доде также отмечает, что в продолжение нескольких лет «тот скитался по Пуату, провинции, прославившейся в те времена разыгрываемыми там мистическими пьесами и фарсами, а также циклом своих легенд, в *Пантагрюэле* мы вновь открываем следы сих легенд и фарсов, а равно и некоторое число характерных для обитателей Пуату выражений».⁷

Мы привели этот отрывок, поскольку, помимо упоминания легенд, о которых мы только что говорили, он ставит еще один существенный для нашего разговора вопрос – об истоках театра.⁸ Поначалу театр был, с одной стороны, странствующим, с другой – имел религиозный характер, по крайней мере, в своей внешней форме, каковой связывает его с теми, паломниками и прочими, кто был причиной его появления. Еще большее значение этому факту придает то, что он не уникален для средневековой Европы: в Древней Греции театр имел вполне похожую историю, и сходные примеры можно обнаружить в большинстве стран Востока.

Но нам стоит ограничиться уже сказанным, а посему обратимся к последнему вопросу, касающемуся выражения «благородные скитальцы», кое применялось к посвященным или, по крайней мере, к некоторым из них, именно по причине их странствий. О.В. де Любич Милош писал:

«Выражение «благородный скиталец», переданное устной традицией посвященным Средних веков и нашего времени, есть тайное имя инициатов древности. Последний раз его произнесли публично 30 мая 1786 года на заседании парламента при перекрестном допросе фигуранта знаменитого дела [Калиостро], жертвы памфлетиста Тевено де Моранде. Странствия посвященных не отличались от обычных путешествий в поисках знания за исключением того, что их маршрут, хотя и выглядит случайным, строго соответствует наиболее сокровенным устремлениям адепта и его способностям. Самые яркие примеры подобных паломничеств явили нам Демокрит, коий был посвящен в тайны алхимии египетскими жрецами и магом Останесом, а также в азиатские учения в период своего пребывания не только в Персии, но и, как утверждают некоторые историки, в Индии, Фалес, обучавшийся в храмах Египта и Халдеи, и Пифагор, побывавший во всех странах, известных древним (и, вероятно, в Индии и Китае), чье пребывание в Персии было ознаменовано беседами с магом Заратасом, в Галлии – совместными трудами с друидами, а в Италии – выступлениями в собрании мудрецов Кротоны. К этим примерам надлежит добавить странствия Парацельса по Франции, Австрии, Германии, Испании и Португалии, Англии, Голландии, Дании, Швеции, Венгрии, Польше, Литве, Валахии, Карниоле, Далмации, России и Турции, а равно и путешествие Николя Фламелья в Испанию, где Мэтр Канчес научил

его расшифровке знаменитых иероглифических фигур из книги Авраама Еврея. Поэт Роберт Браунинг определил тайный характер этих ученых паломничеств в строках, в коих интуиция особенно чувствуется: «Я зрю свою стезю, подобно птице, чей путь ничем не отмечен... Однажды, в благословенный Им час, я прибуду: Он ведет меня и птицу». Годы странствий Вильгельма Майстера несут то же инициатическое значение».

Мы пожелали привести эту цитату во всей ее полноте, не обращая внимания на размер, из-за содержащихся в ней любопытных примеров. Несомненно, можно было бы привести и множество прочих, более или менее известных, но эти особенно показательны, даже если они и не принадлежат, возможно, к той самой категории, что мы рассмотрели выше, и каковые не должно путать со «странствиями в поисках знания», даже если эти последние и в самом деле носят инициатический характер и связаны с особыми миссиями адептов или даже посвященных меньшего уровня.

Возвращаясь к выражению «благородные скитальцы», мы бы хотели подчеркнуть, что эпитет «благородные», очевидно, свидетельствует не просто об инициации, но скорее именно об инициации *кшатрийской*, о том, что можно было бы именовать «королевским искусством», согласно терминологии, все еще бытующей в масонстве. Иными словами, упомянутое посвящение относится не к сфере чистой метафизики, но к сфере космологии и приложений, с ней связанных, то есть ко всему тому, что на Западе носит общее именование «герметизма».⁹ В подобном случае Клавелль совершенно прав, утверждая, что если святой Иоанн соответствует чисто метафизическому мировоззрению Традиции, то святой Иаков соотносится с точкой зрения «традиционных наук», и даже не настаивая на связи, кстати, вполне вероятной, с «мэтром Иаковом» компаньонажа; можно привести множество единодушных доказательств в пользу того, что подобное сравнение оправданно. В самом деле, именно к сфере, каковую можно было бы назвать «посреднической», относится все то, что связано с паломничествами, а равно и с традициями компаньонажа, или цыганами. Знание «малых мистерий», или законов «становления», обретается в прохождении через «колесо вещей», однако овладение «великими мистериями», кои являются знанием неизменных принципов, требует неподвижного созерцания в «великом уединении» в недвижной точке, каковая есть центр колеса, точке, вокруг которой вращается проявленная вселенная.

Примечания:

1. Касательно символизма «Святой Земли» отсылаем к нашей работе *Царь Мира*, а также к статье, опубликованной в специальном выпуске *Le Voile d'Isis*.
2. Различение кочевых (пастухи) и оседлых (земледельцы) народов, каковое своими корнями уходит к самим истокам земного человечества, имеет огромное значение для понимания особых характеристик различных традиционных форм.
3. В английском языке слово crucible («тигель») имеет и другое значение – «суровое испытание». Сама же крестообразная форма тигля не может не привести к мысли о символизме Распятая, чье значение в алхимико-герметическом и, шире, инициатическом контексте сложно переоценить – Прим. пер.
4. Отошлем здесь к уже сказанному нами в *Царе Мира* о том, что в различных традициях для обозначения посвященных применяются термины, связанные с идеей «чистоты».

5. *Chanson de gestes* – эпические, героические поэмы. – Прим. пер.
6. *Les Horreurs de la Guerre*.
7. Ibid.
8. См. *Очерки об инициации*, гл. 28, «Символизм театра». – Прим. пер.
9. О различии двух посвящений, жреческого и царского, см. *Духовное владычество и мирская власть*.

TERRA FOLIATA

Посетите [Библиотеку Велесовой Слободы](#), где вы можете скачать все публикации с 2003 года, а также [Архив сайта](#)!

Русский Интеллектуально-Познавательный Ресурс
«ВЕЛЕСОВА СЛОБОДА»

Если вы хотите автоматически получать информацию о всех обновлениях на сайте, подпишитесь на рассылку --> [Новости сайта Велесова Слобода](#).